Удивительное чувство испытывал Баки — словно не был в этих землях сто лет, и всё же знал каждый холм, каждую развилку растоптанной конями дороги, каждый ручей. За тот почти год, что он прожил в Дал-Риаде, тут ничего не изменилось. Баки вспоминал, как не раз возвращался той или иной дорогой к родовой крепости Дандарн, заложенной ещё его прадедом, вспоминал, как гордился своей победой или добычей, вернувшимися назад воинами — и как по-другому он возвращался сейчас, без руки, с истёртой полупустой дорожной сумой, — и насколько уверенно и спокойно чувствовал себя.

Он возвращался не доставить в замок награбленные сокровища.

Он возвращался, чтобы вернуть своё.

И никто не смог бы ему в этом помешать.

Деревянная крыша крепости уже была хорошо видна, когда Джек догнал и прервал их долгое молчание:

— Джонни приказал укрепить стены этой весной. И ещё мы начали устраивать вал. А твоя матушка привела в порядок достроенный второй этаж, теперь там, наверху, комнаты семьи, а внизу оставили комнаты работников и слуг. Она думает, что Ургусу будет лучше подальше от сырой земли. Я не могу спорить, может, и правда, так будет лучше. Только вверх-вниз не налазишься, если приспичит. Надо ставить другую лестницу.

Баки только рассеянно кивнул. Раньше Дандарн был огромной каменной бочкой в окружении множества хозяйственных деревянных и каменных построек, домом — колесом, где от сердца-очага внутри крепости расходились каменные стены, деля половину помещения на комнаты, как спицы — колесо. Удивительно, как быстро меняется всё вокруг. Всего за один полный солнцеворот надстроили на каменном остове деревянный этаж, колья-стены даже с такого расстояния выглядели устрашающе, а теперь ещё и вал. Словно его родной братец готовился к войне.

Баки коротко хмыкнул своим мыслям. Что бы Джон не затеял — теперь это его не касалось. Его сердце билось ровно, никакие мысли о жизни крепости не волновали его кровь и душу. Он словно вылетел отсюда, как из гнезда — и больше не чувствовал это место своим домом. Теперь его дом не здесь. И Баки не был уверен, что говорит о той землянке, где они жили со Стивом.

Начали попадаться первые лачуги с пасущимися неподалёку овцами и козами. Баки всего на миг оглянулся на Хмагу, как та себя поведёт. Но волчица лишь трусила следом за его лошадью, недоверчиво зыркая на непонятных животных. Навстречу выходили первые люди, выходили — и замирали, глядя на него. То ли думали, что он злой дух фэйри, то ли просто не верили своим глазам — наверняка, его оплакали и разожгли во дворе крепости большой костёр, чтобы проводить с почестями. Наверняка, все пришли поглазеть и выпить за младшего сына главы клана, чтобы в посмертии его буйный дух нашёл себе покой. А он вот, едет на коне и улыбается им в ответ.

Одна женщина, вскрикнув, схватила за руку маленькую девочку и скрылась за дверью дома. И только её муж, разглядев его безрукость, приветственно склонился навстречу.

Ну, хоть у кого-то голова работает, думал Баки, кивая в ответ. Лошадь под ним шла безо всяких понуканий, аккуратно переступая по влажной взрытой земле. Баки на всякий случай держал ладонь на древке своего топора, кое-как притороченного петлёй к коже широкого воинского пояса.

У злого духа фэйри не бывает культи вместо руки. Все это знают. Неполноценность — признак живого человека.

Наверное, их увидели издалека — над крепостью раздался резкий звук сигнального рожка. И Баки, зная, что до ворот ещё ехать и ехать, вскоре уже смог различить фигурки людей, высыпавших наружу. Не иначе как встречать потерявшегося сына с почестями. Он различил мать и, как ему показалось, фигуру Джона — то был невысоким и крепким, широким — в отца. Он же во всём пошёл в мать, леди Виннифред — и каштановым цветом волос, на солнце отливающим красноватым золотом, и глазами с несвойственной пиктам зеленью, и высокой фигурой и статью. Только, наверное, подбородок упрямый, с ямочкой, взял от отца — и втайне гордился им. Не раз и не два в постели после жарких утех говорили ему, что красивый — и нежно поглаживали щетину на этой ямочке.

— Надеюсь, нас сначала загонят мыться. И тебя в первую очередь, мой лэрд, — с доброй подначкой сказал Джек, ухмыляясь в бороду.

— Неужели воняю? — выказал удивление Баки.

— Да пойми, кто из вас, то ли волчица, то ли ты, — усмехнулся Джек и, чуть припустив коня вперёд, обогнал его на узкой дороге.

Баки только фыркнул. Он начинал волноваться — встретить родичей было страшно. И в то же время он желал этого — обнять мать, ещё раз посмотреть в глаза своенравному брату. Взять отца за руку. Он даже на миг запамятовал, зачем он здесь вообще. Волнение перед скорой встречей вышибло все остальные мысли.

Фигуру Стива он узнал бы из всех. Но его среди встречающих не было.

Наконец, они поравнялись с перекинутым через вал перед воротами настилом и остановили коней. Хмага прибилась к конской ноге и зарычала, щетиня холку. Баки спрыгнул на мягко спружинившую под ногами землю и вплёл пальцы в жёсткую шерсть.

— Тихо, девочка, тихо.

Он встретился взглядом с матерью. Она смотрела на него широко распахнутыми глазами, на

нижних веках каплями слюды стояли слёзы. Надо отдать ей должное — она старалась держать себя, как только могла, посреди толпы людей, что собралась вокруг поглазеть на него.

Баки знал, что никакого тёплого приёма не будет. Не сейчас — таковы традиции. И всё же ему до зуда в ладони хотелось обнять мать.

А потом он встретился взглядом с братом. Глаза того горели очередной идеей — и не было в них ни сожаления, ни страха. Только огонь задуманного — Баки знал этот взгляд. Он считал брата умным и бережливым правителем, но порой в его голову забредали странные мысли, которые Баки никак не мог понять. Как вот несвоевременное строительство этой стены или второго этажа крепости, например. Он боялся представить, сколько добытых им сокровищ брат спустил на всё это дерево. В их землях с деревом было негусто.

— Вода готова, — вместо приветствий строгим тоном и почти не дрогнувшим голосом изрекла леди Виннифред. Баки видел, как она сморгнула, и две быстрые крупные слезинки стекли по щекам до подбородка. Больше никто не заметил миг её слабости — все глазели только на него. — Идите, смойте с себя грязь и дыхание злых духов дороги. А уж после войдёте в чертог.

Баки улыбнулся и кивнул. Он немного отвык, как учтиво его мать называла главный зал в крепости, устроенный вкруг большого очага, где прямо во время пира на вертелах могли жарить туши оленей и кабанов.

http://erolate.com/book/3459/83663